

«Правда всегда одна,
Это сказал фараон».

Илья Кормильцев.
«Тутанхамон»

На самом деле Тутанхамон был недостаточно умен, ведь правда не бывает одна — у каждого она своя. Ведь правда — это то, что каждый пропускает через свои органы чувств, эмоции, опыт. Правда о преступлении — это правда обвинения, защиты, свидетелей, преступника.

«True crime» переводится буквально как «настоящее преступление». То есть, подразумевается, что это правда, а не кем-то придуманные события.

Но, как правило, основа для таких сюжетов берется из оперативных сведений, которые зачастую от настоящей правды далеки. Преступления, как о них рассказывают оперативники правоохранительных органов, мягко говоря, далеко не всегда «настоящие», не «true»!

Судите сами. Поступило заявление об изнасиловании от девушки (беру в пример именно это преступление, поскольку оно иллюстрирует ситуацию наиболее ярко). Оперативные сотрудники задерживают обвиняемого ей мужчину. Тот кричит, что ничего подобного не было, секс был по согласию, без насилия. Сотрудники популярно объясняют, что если сейчас не будет подписано признание, его поместят в СИЗО, где насильникам несладко — «опустят», а возможно, и убьют. На са-

мом деле это не так, но откуда же не касавшийся этого мужик знает! В случае же признания — подписка о невыезде или домашний арест.

Бедный мужчина пишет признательные показания, полностью придуманные оперативниками на основании слов потерпевшей, которые также не являются правдой.

Затем эти показания становятся основой обвинительного заключения, которое, в свою очередь, становится основой статьи в жанре «true crime».

Но есть и другая правда — правда самого преступника. Она иногда вообще не оглашается в суде. Но практически всегда ее знает адвокат.

Я не хочу сказать, что обвиняемый не может врать. Но для того, чтобы сделать вывод о том, что произошло на самом деле, нужно знать все версии событий.

Подкаст CrimeCast, на котором основана эта книга, рассказывает об этой другой правде — ПРАВДЕ НАСИЛЬНИКОВ И УБИЙЦ.

Автор не пропагандирует наркотики, не оправдывает их употребление и распространение, а также не одобряет иные незаконные действия, включая преступления. Хранение и распространение наркотических средств, а также совершение тяжких и особо тяжких преступлений осуждаются, на территории Российской Федерации запрещены и преследуются по закону. За указанные деяния уголовным законодательством РФ предусмотрены суровые наказания, вплоть до длительных сроков лишения свободы.

Книга содержит описания сцен насилия, жестокости и откровенных эпизодов, которые могут быть травмирующими для некоторых читателей. Материалы основаны на реальных судебных делах и подкасте CrimeCast, однако в целях соблюдения адвокатской тайны и защиты персональных данных имена, фамилии и иные идентифицирующие детали в ряде случаев изменены.

Я ВИДЕЛ В НЕМ НЕ ОБВИНЯЕМОГО

Правда обвиняемого в коммерческом подкупе

Часть 8 статьи 204 Уголовного кодекса Российской Федерации. Коммерческий подкуп: «(Коммерческий подкуп), совершенный в особо крупном размере, наказывается штрафом в размере от двух миллионов до пяти миллионов рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти лет, или в размере от пятидесятикратной до девяностократной суммы коммерческого подкупа с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет либо лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до пятидесятикратной суммы ком-

мерческого подкупа или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет или без такового».

Что формирует судьбу? Наш выбор или обстоятельства, в которых мы его делаем? Где проходит граница между преступлением и отчаянием? И проходит ли она? Мы часто навешиваем на людей ярлыки. Здесь все просто — украл, значит подонок. Но что, если человек просто не выдержал боли, с которой не справились бы и вы?

Именно с такими мыслями я вспоминаю одно лето 2021 года. Тогда в мой кабинет зашел человек, совершенно не похожий на обвиняемого в уголовном преступлении. Аккуратно одетый, сдержанный, даже немного застенчивый мужчина сорока пяти лет. Не нахрапистый, не уверенный в своей безнаказанности — а наоборот. Первое, что он сделал — начал извиняться. Не как обвиняемый, а как школьник, застуканный на чем-то постыдном. Я его остановил. Сказал: «Вы пришли не за приговором, а за защитой». Он кивнул, опустив глаза.

Звали его Сергей. Обвиняли его в коммерческом подкупе. По версии следствия, получил от поставщика «откаты» на сумму свыше трех миллионов рублей. Дело выглядело серьезно. Но чем больше я слушал Сергея и вчитывался в материалы, тем отчетливее понимал, что передо мной

не злостный преступник. Передо мной — человек, которого прижала к стене сама судьба. И который сделал то, чего никогда не совершил бы... если бы не она.

01

Они познакомились еще в университете. Сергей тогда учился на экономическом факультете, а Елена — на филологическом. Она была яркой, смешливой, легко заговаривала с любым прохожим, умела быть в центре внимания — и при этом совершенно не играла в это. Он же, наоборот, был из тех, кого замечают не сразу: молчаливый, серьезный, с вечно стоптанными кроссовками и тетрадкой, исписанной формулами.

Между этими двумя была какая-то химия... Однажды она подошла к Сергею и сказала что-то простое. Вроде бы ничего особенного, но с этого момента они уже не разлучались. Их отношения не были похожи на бурный роман. Скорее, на тихую, точную мелодию, сыгранную в унисон. Без лишних слов, без внешней драмы. Зато с настоящим смыслом.

После свадьбы переехали в небольшой сибирский город, где Сергей получил работу на местном промышленном предприятии. Все было просто, даже скромно, но для них — идеально. Каждый вечер Лена встречала его с работы, готовила ужин, смотрела своими влюбленными глазами. У них не было детей, но в их доме всегда было тепло.

Но даже в самых теплых домах однажды раздаётся звонкий стук беды...

Сначала это были мелочи. Лена стала уставать быстрее обычного, временами жаловалась на боли, которые списывала на стресс или простуду. Сергей не настаивал — пока однажды она не уснула прямо за ужином. Тогда он уговорил ее сдать анализы. Врач сначала не сказал ничего внятного. Однако потом пришли результаты. Доктор прочитал их, бормоча под нос. Сергей все уже понял по его глазам. После прочтения последовало то самое слово, разделяющее жизнь на до и после... Рак. Поздняя стадия. Метастазы.

С этого момента их тихая, устоявшаяся жизнь превратилась в хождение по больницам: капельницы, уколы, справки, ожидания перед кабинетами, редкие надежды и частые отказы. Одним словом, Сергей держался как мог. Он находил врачей, переписывался на форумах, покупал препараты, которых не было в протоколах, но обещали хоть шанс. Деньги таяли. Все, что откладывали на «потом», ушло «сейчас». И в один момент он понял — ресурсов больше нет. И именно в это тяжелое для Сергея время случился тот самый разговор с поставщиком, после которого Сергей оказался у меня в кабинете. Он не был человеком, способным пойти на обман ради выгоды. Но когда ему предложили «помощь», а вернее благодарность за выбор конкретного поставщика, он не отказал. Не потому, что хотел нажиться. А потому, что отчаянно пытался выиграть время. Для нее.

Он никогда не думал, что станет просить. А уж тем более — брать. Сергей впервые не сказал «нет». Не потому, что хотел нажиться. А потому, что просто боялся потерять ее.

02

Он вспоминал тот разговор снова и снова. Менеджер из фирмы-поставщика как бы между делом обмолвился, что «в случае взаимопонимания» можно будет «отблагодарить». Сергей тогда не дал прямого ответа — не то чтобы согласился, просто не отказался. Через пару дней на его карту поступили деньги: сорок две тысячи рублей. Потом — еще двадцать. Суммы были не астрономические, но для него они значили возможность — шанс на восстановление жены: партию таблеток, оплату анализов, еще один курс.

Каждый раз, когда он принимал эти переводы, он чувствовал, как внутри него что-то ломается. Это была не жадность, не расчет, а слабость. Он не считал себя коррупционером, не строил схем, не лоббировал фиктивные сделки. Просто был мужем, который хватался за соломинку.

Но все пошло иначе. У него не получилось перепрыгнуть эту грань и остаться прежним. После очередного платежа Лена почувствовала себя хуже. Он винил себя даже за это — будто его компромисс повлиял на ее здоровье. Он не использовал эти деньги на себя. Но каждый перевод жег ему пальцы.

Он пробовал отговориться, прекратить. Но процесс уже пошел. А потом — обыск. Вызов. Допрос. И обвинение, в котором фигурировали уже не десятки тысяч, а три с половиной миллиона. Сергей не спорил. Он понимал, что это кара, заслуженная сполна.

03

Когда он пришел ко мне в офис, дело уже катилось вниз по наклонной. Сергей к тому моменту подписал признание, согласился с обвинением и, кажется, смирился с судьбой. Он говорил тихо, будто извиняясь за то, что потратил мое время. Не жаловался, не оправдывался. Просто рассказывал — как жил, как боролся, как в какой-то момент сломался.

На первом допросе Сергей даже не пытался оправдываться. Следователь сухо зафиксировал: «вину признал полностью». Адвокат, который был до меня назначен, сразу дал Сергею понять: бороться бессмысленно. Доказательства есть, шанс на оправдание — ничтожен. Единственное, на что можно рассчитывать — снизить срок наказания. И то только в случае полного признания.

Сергей не спорил. Он искренне верил, что сопротивление только затянет процесс. Он воспринимал это как расплату. Как что-то неизбежное.

Когда я начал изучать материалы, не отпускало ощущение: здесь что-то не так. Передо мной

сидел не махинатор. Не ловкий игрок. А уставший, измотанный человек, которого прижало к стене. Он не прятался. Не бегал. Он сам пришел — и попросил помочь. Не потому, что хотел спастись. А потому, что хотел быть честным. Хоть один раз — до самого конца.

04

На этапе предварительного следствия мы располагали лишь фрагментами картины: отдельные экспертизы, обобщенные формулировки, частичный доступ к документам. Полный объем материалов стал доступен только после окончания расследования, когда появилась возможность ознакомиться с делом. И именно тогда стало очевидно, что следователь включил в сумму полученного «подкупа» все без исключения переводы от поставщика — общим объемом 3,5 миллиона рублей. Но не все было на поверхности.

При детальном анализе я заметил нестыковки: часть этих транзакций была не *debit*, а *payment*, то есть не получена, а отправлена. При дальнейшем изучении выяснилось, что деньги Сергей получил не как сотрудник предприятия, а как частное лицо — он пытался начать собственный бизнес, закупив у того же поставщика партию оборудования для перепродажи. Но ничего не вышло. Клиенты не нашлись. Товар вернули — деньги тоже. Банальный оборот. Но в банковской выписке это выглядело подозритель-

но. Только вот следствие этого не заметило. Или сделало вид, что не заметило.

Для подтверждения я нашел свидетеля — соседку Сергея, пожилую женщину, которая видела, как он привозил в гараж ящики, а потом увозил их обратно. Это было не формальное доказательство, но в глазах суда — убедительный, живой штрих. Линия защиты начала вырисовываться. Но времени было впритык.

05

Судебный процесс был напряженным, как струна перед срывом. Прокурор уверенно держал линию обвинения:

— Обвиняемый получил деньги на общую сумму в 3,5 миллиона. Переводы подтверждены. Ущерб — очевиден.

Он опирался на банковскую выписку как на гранитную плиту. Но я знал — в этой плите есть трещина. И мне нужно было всего одно — ударить в нужный момент.

Когда пришло время представления доказательств стороной защиты, я встал и спокойно сказал: «Следствие не приводит каких-либо доказательств того, что все перечисления между Сергеем и поставщиком связаны именно с подкупом. Причинно-следственная связь между этими банковскими переводами и преступлением следствием не установлена. Даже если не знать о покупке оборудования, первое, что приходит на ум при виде

этих сумм — это возврат. Сергей отдал деньги, затем получил их обратно. Все просто».

Я передал суду ту же выписку — но с моими пометками на полях. Все было наглядно и очевидно: возврат, повторный платеж, расчет. Четко и по датам. Без намека на схему. Я видел, как прокурор напрягся. В его папке была та же выписка — но без контекста.

Тем не менее, прокурор, не теряя уверенности, повторил:

— Обвинение настаивает на сумме ущерба в 3,5 миллиона рублей.

Я выдержал паузу, повернулся к суду и вежливо произнес:

— Уважаемый суд, у меня предложение. Давайте просто еще раз внимательно посмотрим на эту банковскую выписку. Вместе.

Все поняли, что есть нестыковка, которую никто не заметил. Зал замолчал, судья кивнул, а прокурор опустил глаза и заявил ходатайство о вызове в суд эксперта. Процесс отложили.

Через неделю мы снова вернулись в зал суда. Эксперт заявил: большая часть переводов действительно была не получена, а отправлена. Прокурор официально отказался от большей части суммы. Ошибка оказалась слишком очевидной, чтобы спорить.

Но даже оставшиеся миллион восемьсот тысяч рублей по-прежнему подпадали под тяжелую статью — часть 8 статьи 204 УК. До 12 лет лишения свободы. Плюс штраф — в пятидесятикратном размере подкупа. Умножьте эту сумму на 50, сколько получилось? Так что даже «остаток» был опасен.

Я напомнил суду:

— Сергей действительно обсуждал с поставщиком возможность подкупа — обещал помочь ему стать основным подрядчиком предприятия. За это и получил в первый раз 42 тысячи рублей, и еще около двадцати — за второй эпизод. Он не скрывал этого. Признал вину сразу. Все остальное — личные расчеты между знакомыми, не имеющие никакого отношения к поставкам. Эти деньги не подкуп.

И, многозначительно посмотрев на судью, добавил главное:

— В действиях моего подзащитного нет нарушения интересов предприятия. Он не навязал некачественного подрядчика, не лоббировал фиктивные сделки. Напротив — вся продукция поставлялась в срок, претензий не возникало. Он не злостный преступник. Он — муж, который в момент отчаяния сделал неверный выбор. Да, этот выбор его не оправдывает, но существенно снижает общественную опасность.

Именно тогда я почувствовал, что суд начал слушать не только умом — но и сердцем.

Приговор зачитывали медленно, будто каждое слово висело в воздухе. Сергей сидел, не двигаясь. Ни жеста, ни взгляда. Только прямая спина и сцепленные руки. Он был готов к наручникам. К двери, которая захлопнется надолго.

— Суд приговорил... — тут все затаили дыхание.

— Признать виновным. — Сергей даже не пошевелил пальцем.

— И назначить наказание в виде семи лет лишения свободы...

Но это было еще не все.

Через пару секунд судья добавил:

— ...наказание считать условным.

Сергей не пошевелился. Он не понял. Судья посмотрел на него поверх очков и сказал: «Вам понятен приговор? Вы свободны».

И тогда он моргнул. Повернулся. И, впервые за все это время, начал дышать. Медленно и с усилием, будто вспоминал, как это делается.

А потом — заплакал. Тихо, почти незаметно. Так плачут взрослые мужчины, когда уже невозможно держать в себе. Это были слезы уже не страха, а облегчения...

06

Когда Сергей вышел из зала суда, на улице стоял холодный октябрьский вечер. Серый. Безмолвный. Он не пошел домой сразу. Просто стоял на ступенях, как будто не знал, что делать с этой свободой, которая вдруг стала настоящей.

Я вышел следом. Он повернулся, хотел что-то сказать, но не смог. Только кивнул. Иногда одно движение значит больше, чем тысяча слов.

Позже он написал короткое сообщение: «Спасибо, что поверили. Я постараюсь стать лучше».

Я часто думаю о нем. А точнее о том, как легко мы клеим ярлыки к людям: виновен — плохой, невиновен — хороший. Но жизнь не делится на черное и белое. В ней есть боль, страх, любовь и выборы, сделанные не от зла, а от отчаяния.

Сергей не герой. И не преступник. А обычный человек, который однажды сделал выбор — спасти любимую женщину. И для этого ему пришлось переступить через себя.

Именно поэтому, чтобы понять поступок человека нужна не статья. Нужно сердце.

07

В жизни часто возникают моральные дилеммы. Одна из них — стоит ли нарушать закон ради помощи близкому человеку. Особенно остро этот вопрос встает, когда речь идет о больных родственниках. Иногда люди идут на крайние меры, чтобы обеспечить лечение или уход.

Чаще всего к преступлению приводит нехватка денег. Болезнь может потребовать таких расходов, которые семья просто не в силах покрыть. Тогда некоторые решаются на кражу, мошенничество или даже торговлю запрещенными веществами, лишь бы найти нужную сумму.

Бывает и так, что человек чувствует, что обязан помочь любой ценой. Особенно если болен ребенок, родитель или кто-то еще, очень близкий. В такие моменты кажется, что моральный долг важнее закона.

Но стоит помнить, что преступление почти всегда влечет за собой серьезные последствия. Это может закончиться тюрьмой, штрафами, потерей доверия и разрушением семьи.